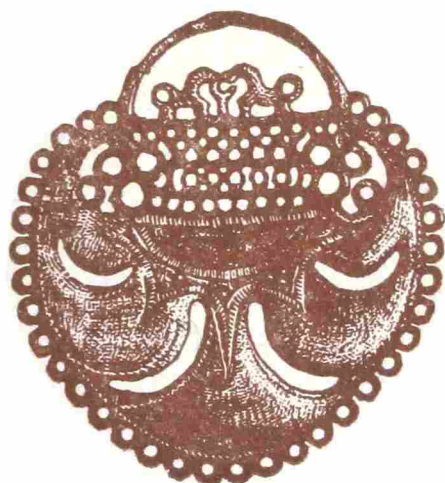


ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1983

ПИЧИКЯН И. Р.

АЛЕКСАНДР-ГЕРАКЛ

(греко-бактрыйский портрет великого полководца)

Об эллинистическом портрете в Греко-Бактрии до настоящего времени можно было судить исключительно по монетным изображениям [1, с. 29]. В 1979 г. при раскопках храма Окса — античной крепости Тахти-Сангин, охраняющей вместе с легендарным Тахти-Кубадом переправу в верховьях Амударьи, была открыта целая галерея портретов, выполненных в местной глине и алебастре — материалах столь хрупких, что изготовление высокохудожественных произведений монументального искусства на месте не может вызывать сомнений¹. Одна находка из слоновой кости в храме, непосредственно связанная с портретами на монетах, открывает новый этап в изучении греко-бактрыйского искусства.

Рельефное изображение Александра Македонского в облике Геракла украшало лицевую часть устья ножен вотивной миниатюрной махайры (рис. 1). Тахти-сангинский портретный бюст передает зрелый юношеский облик полководца [2, с. 124—133; 197—214]². Голова дана анфас, слегка повернута влево и едва заметно склонена к левому плечу. Взор широко открытых глаз без прорисовки зрачков обращен выше зрителя. Округлый овал лица стянут шлемом из шкуры льва (голова): верхняя челюсть льва венчает лоб, нижние челюсти обрамляют щеки героя в виде нащечников шлема. За головой Александра развевающиеся тонко моделированные локоны-завитки гривы, а на груди — лапы льва, перевязанные в гераклов узел (сохранились одна лапа и часть шкуры на левом плече, правая лапа и узел — утрачены). На лице потертости — нос и губы спереди немного стерты.

Контур лица тахти-сангинского Александра овальный в отличие от круглых типов скопасовских голов. Широко открытые глаза посажены близко друг к другу и не очень глубоко, но массивные надбровья выступают вперед, не нависая над глазами, что все же придает выражению лица пафос, свойственный всем портретам Александра, роднящий и собирающий их по одному уже этому признаку. Следует отметить также отсутствие на лбу и переносице морщин и прищура глаз, характерных для позднеэллинистического времени.

Как правильно отметил К. Гебауэр, вопрос об атрибуции каждого портрета Александра может иметь единственную перспективу решения,

¹ Раскопки с 1976 г. проводятся Тахтикубадским отрядом (И. Р. Пичикян) Южно-Таджикистанской археологической экспедиции (руководитель член-кор. АН ТаджССР Б. А. Литвинский).

² Обломок склеен автором из нескольких вертикально расщелившихся тонких чешуек слоновой кости, найденных в разных местах спаявшегося от окислов конгломерата, представляющего собой культовый заклад № 2 в дальнем северо-западном углу 20-метрового обводного коридора храма на глубине 3,5 м от современной дневной поверхности и в 0,5—0,65 м над реальным материком. Заклад содержал 2000 железных трехлопастных черешковых наконечников стрел и несколько предметов из кости: втулки с изображением фазана, две миниатюрных обкладки ножек махайры (на одной изображение Александра). На фрагменте лицевой стороны бутеропп (размеры портретного бюста: высота 3,3, ширина 2,8 см) изображение головы сохранилось полностью (высота — 1,2, ширина — 0,9, вместе с обнаженной шеей высота — 2,0 см, глаз — 0,13, нос — 0,3 см). С обратной стороны следы паза и вертикального вреза, обычного для устьев ножен махайр, как миниатюрных, так и подлинных, функциональных, найденных в большом количестве в культовых закладах храма [3, с. 202—212]. (Хранится в Институте истории им. А. Дониша АН ТаджССР, инв. № 1091—1134.)



Рис. 1. Александр в львином шлеме Геракла. Тахти-Саггин.
Кость слоновая

если его рассматривать с точки зрения всего существующего материала [4, с. 32]. Александра Македонского изображали самые известные скульпторы Греции: Лисипп, Леохар, Евтикрат, Евфранор [5, с. 150]. В настоящее время иконография портретов Александра хорошо разработана, а обширная литература [5—20] по атрибуции его портретов во многом облегчает нашу работу. Поскольку атрибуция тахти-саггинского портрета не представляет сложностей, необходимо помимо аналогий определить его место в иконографической типологии.

Успешную классификацию по мастерам-исполнителям осуществил О. Ф. Вальдгауер. Его работу можно было бы продолжить с расширительной классификацией по школам, так как авторство большинства портретов Александра установить невозможно. В этом плане при специальном монографическом исследовании можно было бы сгруппировать все известные работы по методу Дж. Биэли, примененному при изучении аттической вазописи, и назвать мастеров по именам наиболее характерных портретов [21; 22], но это не входит в нашу задачу. Классификацию по школам ваяния географического диапазона произвели М. Бибер и К. Гебауэр, но их работы не отличаются исчерпывающей полнотой [4; 9—11]. Прекрасная работа К. Гебауэра распределяет известные автору монетные чеканы и скульптуры с изображением Геракла и Александра по региональным школам. По мнению ученого, собранные им скульптурные работы александрийской школы могут быть противопоставлены всего лишь 12 мраморным работам всего остального Средиземноморья [4, с. 33]. Однако это не так. В последние годы археологические журналы публикуют и переиздают новые атрибуции портретов Александра, которые пополняются за счет изучения музейных и частных коллекций [23, с. 411, рис. 29—32; 25, с. 106—115], а также благодаря

археологическим раскопкам, чему могут быть свидетельством раскопки в Эгах [24, с. 3, фото на обложке] и на Тахти-Сангине. Завоевали уже право на существование классификация с выделением римского идеализированного портрета и так называемая группа римского исторического портрета в иконографии Александра Великого [23; 25]. Существуют и типологические группы, основанные на самых разнообразных признаках, в том числе и на эмоциональных характеристиках. Так, О. Я. Неверов, классифицируя обожествление создателя огромной эллинистической монархии в соответствии с этапами апофеоза владыки (что само по себе содержит очень здравую, хотя и не новую мысль [4, с. 2]), видит эволюцию и в стиле портретов Александра. Это и приводит О. Я. Неверова к типологии, основанной на эмоциональных началах [26, с. 86]. Есть классификации произвольные, трудноопределимые, основанные неизвестно на каком принципе типологии [6; 12]. Классификацию по видам и жанрам искусства осуществляли только нумизматы, выделяя из всей совокупности профильные изображения на монетах.

Собственно обобщающей иконографической типологии образа Александра в изобразительном искусстве нет, так как каждый исследователь исходил из коллекции портретов, со временем в значительной мере пополняющейся, которой он располагал или которая была ему доступна. Это и понятно. Разнообразие материала, хронологические различия, стилевые характеристики, возрастные и сюжетные несоответствия представляют сложность для единой методически надежной типологии изображений Александра.

Мы предлагаем типологическую характеристику изображений Александра Македонского по статурным сюжетам, в которую должны войти все античные изображения, вне зависимости от времени, места изготовления, материала и автора-исполнителя портрета великого полководца. Одни и те же работы древних скульпторов-портретистов могут при этом попасть в разные типологические группы: 1) Александр — мальчик; 2) Александр — палестрит, воин; 3) Александр — философ, государственный деятель; 4) Александр — обожествленный герой или бог; 5) Александр идеализированного облика.

В каждой типологической группе предлагается проследить хронологическое распределение от прижизненных портретов к эллинистическим копиям, а от них к римским историческим портретам. За монументальной скульптурой, если она существует, в каждой группе следуют мелкая пластика, глиптика и монетные изображения, следовательно, и материал скульптурных работ в мраморе, известняке, кости предшествует копиям в терракоте и металле (поскольку подлинные бронзовые шедевры нам пока неизвестны).

По идее, хронологически самой ранней должна быть первая группа раннеюношеских портретов. На самом деле большая часть этой группы дошла в римских копиях, т. е. выполнена в римском портретном стиле [6, с. 41, табл. 1–13; 4, табл. 8, 12].

Вторая группа: Александр — палестрит или обнаженный Александр с копьем (дорифор) восходит к известной по письменным источникам прославленной статуе Лисиппа [6, с. 217, рис. 27]. Однако в копиях фигура Александра искажена весьма свободной трактовкой (иногда в обратном, зеркальном отражении). Известны две группы подобных статуэток, бронзовых и мраморных [5, с. 152, 166, рис. 59, 62; 6, табл. VI, XI]. Для них характерна в разной степени умения переданная копиистами поликлетовская постановка фигуры (хиазм и движение в статике), героическая нагота молодого атлетического тела и очень обобщенно трактованное лицо, что и позволяет нам выделить их в группе воинов. Александр-воин изображался в панцире, в шлеме, иногда со щитом (сюда следует отнести и Александра на коне, в полном военном облачении). Но главное отличие всех изображений воина Александра — это эмоциональная насыщенность характеристики образа героя или ее идеализированная трактовка. Все копии очень разнохарактерны, выполнены в разном материале и в целом сильно отступают от оригиналов, сделанных

скульпторами с натуры. За исключением помпейской мозаики [13, с. 240], основную их массу составляют сильно уменьшенные реплики вроде геркулановской статуэтки «Александр на коне» [13, с. 240], не позволяющие из-за обобщенности лиц судить о сходстве с оригиналом. Лучшим, пожалуй, образцом этой группы может служить копия Лисипповского портрета, возможно, конной статуи, дошедшая на золотом медальоне Абукира [27, с. 12, рис. 5; 20, с. 254, рис. 5].

Третья группа : Александр — философ. Степень уверенности в атрибуции изображений Александра в античном искусствоведении — разная. Нет сомнения в том, что подписная герма из Лувра (коллекция Азара) изображает Александра Великого. Но сначала она приписывалась Л. Л. Курциусом Леохару [28], Т. Шрайбером Лисиппу [6, с. 28, табл. 14], затем гораздо более убедительно переатрибуирована О. Ф. Вальдгауером Евфранору [5, с. 164—165]. У нее есть близкая аналогия в Британском музее, также ошибочно относимая к копиям со скульптуры Лисиппа [4, с. 7, табл. 14, 3, 4]. Принимающаяся за исходную подписная герма в настоящее время оценивается очень низко, может быть, незаслуженно, из-за плохой сохранности памятника. М. Бибер прямо пишет, что это очень плохая копия [9, с. 181], а О. Ф. Вальдгауер указывает на искажение глаз, допущенное копиистом. И все же это изображение в достаточной мере передает не только литературный образ Александра — мудрого полководца и государственного деятеля, созданный античными авторами (Plut. Mor., 328—333), но и отражает блестящую характеристику О. Ф. Вальдгауера: «Александр — питомец Аристотеля, воспитанный на великих эллинских учителях и поэтах, Александр — герой и великий завоеватель, завершитель чаяний эллинизма о покорении Востока, одаренный гениальными организаторскими способностями...» [5, с. 165]. Как отмечает Т. Шрайбер, Александр на портрете изображен в зрелом возрасте. Мы, добавив, что в нем подчеркнута мудрость государственного мужа, Александра-философа, отнесли бы Луврский и Британский портреты к этому типу иконографии.

При рассмотрении четвертой типологической группы основное внимание будет уделено лишь образу Александра в облике Геракла, так как остальные ипостаси, не столь распространенные, мало что дают при сопоставлении с нашим изображением.

Пятая типологическая группа, наиболее многочисленная, состоит преимущественно из копий римского времени, сделанных с недошедших эллинистических работ, изображавших идеализированного Александра [6, с. 45; 29, с. 1; 9, рис. 1—6, табл. 6—8; 20, рис. 24, 9—12; 12, рис. 1—4, 5, 7, 14]. Александр в действительности был очень красив (Agg. Anab., VII, 28, 1), но скульпторы эллинизма после его смерти старались наделить его и без того красивые черты неземной красотой. Эта линия развития, судя по количеству копий, была наиболее близкой вкусам римской эпохи.

К пятой группе, несомненно, должны относиться и все изображения Александра малой пластики, т. е. на предметах, которые имели большей частью прикладной характер. Терракотовые статуэтки, являющиеся отпечатками матриц, гири, отлитые в формах, миниатюрные изделия из хрусталя и драгоценных металлов должны расцениваться как идеализирующие изображения полководца. Мастера передавали образ Александра чисто символически, соблюдая иконографический канон, но не преследуя портретных задач в передаче облика царя.

Возвращаясь к четвертой типологической группе, отметим, что исследователи представляют разное количество образов обожествления Александра. О. Я. Неверов, касаясь этого вопроса косвенно, приводит лишь основные иконографические типы этой группы: Александра-Геракла, Диониса, Аммона и Гелиоса [26, с. 87]. К. Гебауэр дает более обширный, но тоже неполный список: Александр-Гелиус, Гений, Диоскур, Аммон-Карней, Гермес, Дионис, Геракл, Арес, Асклепий, Речной бог, Сатир, Аттис [4, с. 1]. В обоих случаях отсутствует Александр-Зевс (Юпитер) [6, с. 113, табл. VII], не упоминается Александр в слоновьем шлеме,



Рис. 2. Перевоплощение Геракла в Александра на эллинистических монетах ГИМ:
1 — № 756; 2 — № 737; 3 — № 738; 4 — № 739; 5 — № 815; 6 — № 771; 8 — № 3411

послуживший, очевидно, прообразом изображения греко-бактрийскому чекану Деметрия.

Остановимся на изображениях Александра в облике Геракла. Профильные изображения Геракла-Александра и Александра в львином шлеме превалируют над статуарными скульптурными портретами других групп, так как они представлены массовым материалом — нумизматикой на многочисленных сериях монет времени Александра, диадохов, особенно Лисимаха, и эпигонов (рис. 2). Сопоставления монетных изображений Геракла, Александра в облике Геракла, Митридата в облике Александра-Геракла и Коммода в облике Геракла показывают эволюцию исследуемого образа. Первоначально на монетах изображался Геракл с надежным для атрибуции апотропеем — шкурой льва, т. е. голова Геракла, изображенная в профиль, была увенчана львиной маской. Подобные профильные изображения Геракла широко известны на античных монетах IV в.: на золотом статере из Тарента [30, рис. 64], тетрадрахмах Фасоса [30, рис. 61], двойных статерах Дикайи (Фракия) [30, рис. 60].

Геракл на тетрадрахмах Александра олицетворяет мужественного, испытанного в схватках бойца (часто со сломанной переносицей, с гипотоническими припухлостями надбровных дуг и щек, словно после только что заверщенного панкратия) [31, № 31–39]. Недаром все изображения кулачных бойцов имеют большое сходство с его мужественным и несколько устало-мрачным обликом.

Александр «перевоплощался» в Геракла еще при жизни, не только на монетах путем механической подмены Геракла портретным профилем Александра. Немаловажным являются неоднократные и явно не случайные упоминания авторов о родстве Александра с Гераклом, о стремлении возвыситься и совершить подвиг, достойный легендарного предка, или превзойти его, включая не только штурмы неодолимых препятствий и выход на бой в одиночку с многочисленным врагом, но и непосредственное единоборство со львом (Curt. VIII, I, 11–17). Сложный процесс перевоплощения Александра на монетах очень точно описан К. Гебауэром: «На тетрадрахмах Александра,— пишет К. Гебауэр,— наблюдатель при желании может узнать Александра в виде Геракла, потому что Александр лично ассимилировался с этим богом» [4, с. 2].

Однако большинство исследователей, в том числе и К. Гебауэр, видят переломный момент в иконографии Александра одновременно на всех монетах именно в 327 г. до н. э., об этом говорит изучение чекана Амфиополиса, Тарса, Сидона, Пеллы, Тира, Вавилона, Александрии и других небольших серий. «Александр, по мнению К. Гебауэра,— тогда вступил в сознание человека того времени как сверхсила, от которой зависела судьба всех. Легенда о его сказочных успехах в Индии в этом году достигла Запада; между тем распространялись слухи, что он сам иногда выступал в качестве Геракла. Поэтому чеканщик мог осмелиться индивидуализировать голову Геракла как портрет Александра. С тех пор не существует ни одного изображения Геракла в строгом смысле. Если тип где-то прерван, то новое лицо, по крайней мере в каком-то оттенке, всегда появляется с тех пор» [4, с. 11–12]. Несмотря на смесь ницшеанства с наивностью в рассуждениях К. Гебауэра, основная линия развития иконографии Александра передана верно, нас в данном случае интересует дата «переломного момента» этого эволюционного ряда. Выборка монет эллинистического времени (рис. 2) показывает, как Геракл постепенно перевоплощался в Александра в облике Геракла. Гораздо яснее это видно, когда вместо бородатого Геракла на монетах того же города появляется Александр в львином шлеме. Интересную схему перевоплощения Александра в Геракла в этом смысле показала М. Бибер на монетах. Кос, как и другие города-государства распавшейся великой державы, между 300 и 200 гг. чеканил идеализированную голову Александра в облике Геракла вместо бородатого Геракла [9, с. 178, рис. 10¹]. С большой долей вероятности можно предположить, что в формировании иконографии Александра в образе Геракла значительную роль сыграли не сами монетные изображения, а монументальная скульптура, одним из авторов которой был, вероятнее всего, любимый придворный скульптор Лисипп. Скульптура могла возникнуть и после успешного единоборства со львом, когда Александр неподалеку от Мараканды, оттолкнув Лисимаха, ставшего впоследствии царем, подобно Гераклу вышел на поединок и одним ударом сразил льва редкой величины (Curt. VIII, I, 11–17). О статуарных изображениях Александра в облике Геракла убедительно свидетельствуют и подлинники эпохи эллинизма [6, рис. 20]. Да и само разнообразие монетных изображений говорит о том, что использовались разные статуарные образцы [33, табл. I–VIII]. Упомянутая распространенность изображений Александра на монетных чеканах его многочисленных преемников — диадохов и эпигонов — была вызвана тем, что Александр стал, по очень точному замечанию О. Я. Невеорова, «необходимым компонентом в династическом культе, который оформлялся в державах Птолемеев, Селевкидов, Атталидов. Окруженный мистическим ореолом образ Александра Великого придавал как бы видимость легитимности их власти» [26, с. 86].

Параллельно общей линии развития изображения Александра уже на монетах диадохов появляется дополнительная, «маскарадная» линия образов Александра — Геракла — Аммона. Селевкиды и Птолемей заимствуют у своего предшественника образ Амона, а через 200 лет после Александра вновь возрождается образ Александра-Геракла другим крупным полководцем древности — Митридатом Евпатором, а почти через



Рис. 3. Александр Каирский



Рис. 4. Александр Дрезденский

пять столетий, уже в жанре фарса, — безвольным римским императором Коммодом для отражения причастности рода Антонинов к покровительству Геракла. Митридат Евпатор заимствовал два статуарных типа Александра Македонского [26, с. 86], его предшественником был Лисимах [24, № 54]. Интересным представляется то обстоятельство, что до нас дошли не только монетные изображения, но и скульптурный портрет Коммода. В львиной шкуре, с дубинкой Геракла и яблоками Гесперид в руке, образ императора, созданный придворным скульптором, вполне соответствует отзыву Лампия: «выражение лица тупое, как у пьяниц, и речь беспорядочная» [34, с. 67, рис. 112]. Монеты Коммода (182—192) иконографически повторяют, как и монеты Александра, свой монументальный скульптурный прототип. На них Коммод изображен профилем влево, лицо с тонким аристократическим носом, маленьким ртом и скромно опущенными глазами отражает внутреннюю апатию [50, рис. 141], что сильно отличает его от Александра.

В дополнение к иконографическому анализу по сходству для определения изображенного на тахти-сангинском портрете может быть применен логический метод исключения. Из четырех изображаемых персонажей в львином племе, учитывая место находки, реальным претендентом остается только Александр. Об этом говорит каноничность идеализации облика, открытое юношеское лицо, несвойственное в передаче черт мужественного Геракла. Митридат и Коммод не подходят, так как время изготовления махайры более раннее, чем их появление на исторической арене: кроме того, Греко-Бактрийское царство к их времени уже пало под ударами кочевников — около 140 гг. до н. э.³

³ Собственно наша атрибуция рельефного портрета Александра Македонского в облике Геракла ни у кого из отечественных специалистов по античной археологии и искусству сомнений не вызвала. На обсуждениях доклада об античных находках на Тахти-Сангине в 1980 г. в Москве (Институт востоковедения АН СССР, Институт археологии АН СССР, ГМИИ им. А. С. Пушкина), в Ленинграде (Гос. Эрмитаж, Ленинградское отделение ИА АН СССР) и Душанбе (Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР) выступающие поддерживали мнение о несомненности атрибуции Александра. Автор искренне благодарен ныне покойному В. Д. Блаватскому, а также М. М. Кобылиной, Ю. Е. Чистякову, О. Я. Неверову и З. А. Билимович за ценные советы. Помощь в работе над нумизматической коллекцией ГИМа оказали Н. А. Фролова и А. Никитин, любезно предоставившие фотографии монет, за что автор выражает особую признательность. Все фотографии монет в статье сделаны нумизматом А. Никитиным.



Рис. 5. Александр в львином шлеме. Саркофаг царского некрополя в Спине

При общем сходстве изображений идеализирующей тенденции III в. до н. э. тахти-сангинский портрет Александра схож не только с обликами полководцев на монетах, но и близок скульптурам александрийско-жосской школы эллинистического периода [4, с. 35, 94, табл. 6, 9], дошедшим частью в копиях римского времени [4, с. 48, 63, табл. 14, 15] (рис. 3, 4).

Хорошей аналогией тахти-сангинскому Александру может служить юношеский портрет Александра из музея Афинского Акрополя. Есть сходство в мягкой трактовке глаз, бабочковидной форме губ [35, с. 13–28], округлом овале лица. Афинский портрет относят к копиям с работы Леохара, которая была посвящена после битвы при Херонее (338 г. до н. э.) в Филиппейон. Ф. Граве пишет, что она выглядит греческим оригиналом позднеэллинистического времени [20, с. 246, 249, рис. 5, 6].

Как нам представляется, дефференциация по материалу вообще не может быть определяющей, так как скульптура из слоновой кости из-за хрупкости материала сохраняется в силу чрезвычайно счастливых обстоятельств. Число известных скульптур эллинистического времени недавно пополнилось портретными головками из предполагаемой гробницы Филиппа Македонского в Эгах, одна из которых изображает Александра [24]. Атрибуция портретной головки из Эг очень достоверна: скульптор, передавший молодого Александра с поднятой вверх головой, открыл целую галерею подобной иконографии эллинистического времени и римских подражаний. Наиболее близкой по художественным особенностям и трактовке изображения Александру из Эг является мраморная голова из Александрийского музея (№ 3405), датированная III в. до н. э., возможно, действительно круга Лисиппа [4, с. 35, табл. 6].

Очень близки тахти-сангинскому портрету головы с так называемого саркофага Александра Македонского, изображающие Александра в сцене сражения и в сцене охоты (рис. 5). На наш взгляд, эти изображения правомерно приписываются Александру [36, табл. 23; 9, рис. 7, 8]. Драматизм и неукротимую волю к победе этим образам придают наклонны голов лбом вперед, что редко встречается в иконографии полководца, голова которого обычно передается слегка поднятой вверх и обра-

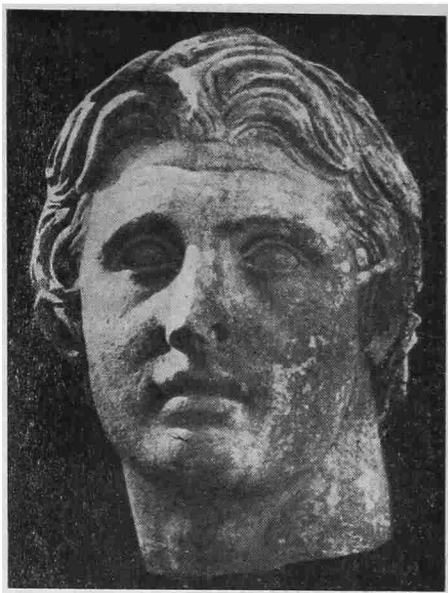


Рис. 6. Александр-Пергамский, голова гигантской статуи



Рис. 7. Александр-Геракл из Пергамской рельефной группы

иценной немного влево, как на гигантской знаменитой реплике из Пергама [9, рис. 11] и на других изображениях, в том числе и на тахти-сангинском портрете. Очень близок этому же типу и пергамский «Геракл», персонифицированный Г. Крамером как Митридат. Осуществленная Г. Крамером идентификация этой статуи с образом Митридата Евпатора нам представляется совершенно неубедительной [37, с. 182, 200–205, рис. 2, 11, 12]. «Геракл» (рис. 7) значительно больше похож на Александра с саркофага Александра [36, табл. 23] (оба в львином шлеме, выражение и сходство лиц поразительное) (рис. 5) и еще более на гигантскую голову Александра из Пергама (рис. 6), приписываемую Лисиппу [9, рис. 7, 11], чем на портреты Митридата, а тем более Аттала II или Аттала III, как представлялось знатокам античности Винтеру и Л. Курциусу [28, с. 65, рис. 7]. Скорее мы тут имеем дело или непосредственно с портретом Александра, или с влиянием его портретов на эллинистическую скульптуру. Поскольку пергамский Геракл из северного зала святилища Афины связан как будто со скульптурой Прометея, мы не можем настаивать на атрибуции этой фигуры Александру, однако мы должны констатировать их необыкновенное сходство. Гигантскую голову Александра из Пергама с этой скульптурой роднят не только абсолютное сходство как общего облика, так и отдельных черт лица (трактовка лба, носа, губ, постановка головы), но также, что наиболее существенно, наличие хищного, львиного пафоса, свойственного всем эллинистическим портретам Александра, т. е., как отмечает К. Гебауэр, «большому количеству оригинальных мраморных голов, которые можно сравнивать скорее по наличию пафоса, чем по внешнему сходству» [4, с. 22].

Тахти-сангинский портрет Александра Македонского объединяет всю серию работ, как скульптурных, так и вычеканенных на монетах, где Александр передается в облике Геракла в львином шлеме. Поскольку в тахти-сангинском портрете Александра очевидно копирование неизвестного нам оригинала, ставшего прототипом для многочисленных реплик и копий III в. до н. э., и в нашем портрете чувствуются идеализирующие черты, характерные для раннего эллинизма, мы датируем изображение Александра в широких рамках III в. Предложенную датировку подкрепляет сопоставление с идентичными монетными чеканами 300–200 гг. до н. э. Это вполне согласуется с датирующей характеристикой миниатюрной греческой вотивной махайры, которую украшал рельеф. Приведенные соображения твердо указывают на дату — III в. до н. э.

Значение этой находки трудно переоценить из-за высокой культурологической значимости чисто греческого портрета, приоткрывающего завесу «загадочного» греко-бактрийского искусства. Это высокохудожественное произведение — первый греко-бактрийский портрет Александра, воспроизводящий облик облеченного в победные регалии царя-героя Искандера, каким он дошел до нас в среднеазиатских народных преданиях.

Наша задача — как можно тщательнее исследовать каждый из многочисленных памятников изобразительного искусства, посвященных в храм Окса на Тахти-Сангине, чтобы можно было говорить об общем облике, традициях и составных компонентах греко-бактрийского искусства конкретно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеймаль Е. В. Бактрийский портрет. — Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тезисы докладов. Ереван, 1980.
2. Литвинский Б. А., Пичикаян И. Р. Археологические открытия на юге Таджикистана. — Вестн. АН СССР, 1980, № 7.
3. Пичикаян И. Р. Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии. — СА, 1980, № 4.
4. Gebauer K. Alexanderbildnis und Alexandertypus. — AMitt 1938/39, 63/64.
5. Вальдгауер О. Ф. Портреты Александра и их значение для истории портретной скульптуры IV в. до н. э. — Этюды по истории античного портрета. М. — Л.: ОГИЗ — ИЗОГИЗ, 1938.
6. Schreiber Th. Studien über Bildnis Alexander des Grossen. Leipzig, 1903.
7. Kaerst I. Alexandros III. der Grosse. — RE, 1894, I.
8. Hoffmann W. Das literarische Porträt Alexander des Grossen im griechischen und römischen Altertum. Leipzig, 1907.
9. Biber M. Ein idealisiertes Porträt Alexander des Grossen. — JDAI, 1925, 40.
10. Biber M. The Sculpture of the Hellenistic Age. N. Y., 1955.
11. Biber M. Alexander the Great in Greek and Roman Art. Chicago, 1964.
12. Kleiner G. Das Bildnis Alexanders des Grossen. — JDAI, 1950/1951, 65/66.
13. Bertelli G. Alessandro III di Macedonia. — Enciclopedia Italiana Fondata da Giovanni Treccani. I. Roma, 1958.
14. Koepp F. Über das Bildnis Alexanders des Grossen. — 52. Programm zum Winckelmannfest. Berlin, 1892.
15. Emerson A. The Portraiture of Alexander the Great: A Terracotta Head in Munich. — AJA, 1887, v. III.
16. Bernoulli J. J. Die erhaltenen Darstellungen Alexanders des Grossen. München, 1905.
17. Holscher T. Ideal und Wirklichkeit in den Bildnissen des Alexanders des Grossen. Heidelberg, 1971.
18. Seibert J. Alexander der Grosse. Darmstadt, 1972.
19. Goukowsky P. Essai sur les origines du Mythe d'Alexandre. I. Nancy, 1978.
20. Grave V. V. Zum Herrscherbild Philipps II und Philipp III. von Makedonien. — AA, 1973, № 3.
21. Beazley J. D. Attic Black-Figure Vase-Painters. Oxford, 1956.
22. Beazley J. D. Attic Red-Figure Vase-Painters. Oxford, 1963.
23. Zagdaun M. A. Collection Paul Cannellopoulos. — BCH, 1979, t. CIII.
24. Андроникос М. Гробницы македонских царей. Уникальная археологическая находка — возможно, захоронение отца Александра Македонского. — Курьер ЮНЕСКО, 1979, № 7.
25. Nimeyer H. G. Alexanderkopf in Sevilla. — AA, 1978, I.
26. Невсров О. Я. Митридат и Александр. К иконографии Митридата VI — СА, 1974, № 2.
27. Delbrueck R. Zwei Porträts. — JDAI, 1925, 40.
28. Curtius L. Bronze Statuette eines Heracles in Neapel. — Antike Plastic. W. Amelung zum Sechzigsten Geburtstag. Leipzig, 1928.
29. Wiegand Th. Ein neues Alexanderporträt. — JDAI, 1899, 14.
30. Lange K. Götter Griechenlands. Meisterwerke Münzkunst. Berlin, o/J.
31. Monnaies. Grecques-Romaines. Byzantines-Galoises. Françaises-Etrangères. Drouot rive Gauche-Salle, № 6, 7 Aatole — France, 75007, Paris, 21—22, juin 1979.
32. Buschor E. Das hellenistische Bildnis. München, 1949.
33. Newell E. T. Alexander Hoards. — Numismatic Notes and Monographs. N. Y., 1923, № 19.
34. Бригова Н. Н., Лосева Н. М., Сидорова Н. А. Римский скульптурный портрет. Очерки. М.: Искусство, 1975.
35. Ashmole B. Demeter of Cnidus. — JHS, 1951, LXXI.
36. Akurgal E. Ancient Civilisations and Ruins of Turkey. Istanbul, 1969.
37. Krahmmer G. Eine Ehrung für Mithridates VI. Eupator in Pergamon. — JDAI, 1925, v. 40.

ALEXANDER-HERACLES

(A Graeko-Bactrian Portrait of the Great Military Leader)

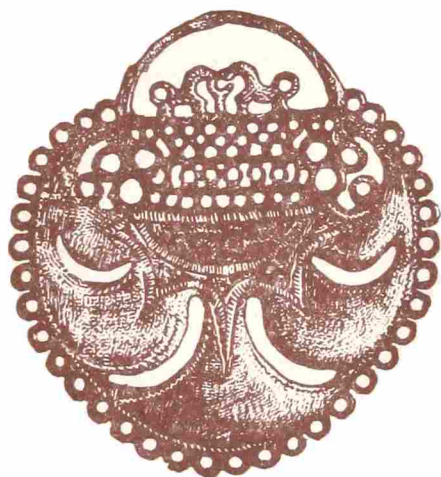
S u m m a r y

The author publishes a carved relief portrait of Alexander the Great, found in the Oks Temple in Takhta-Sangin, on the upper Amudarya. This emotional and dramatic portrait showing the great military leader in full face in the bloom of youth wearing the lion helmet of Heracles, his legendary ancestor, is carved on small ivory sheath of a votive mahaira. This image is directly connected with Alexander's portraits on 3rd-century B.C. coins which are a continuation of a series of tetradrachmas showing Alexander together with Heracles wearing the lion helmet. Both of them are shown in profile. The author considers the Takhta-Sangin portrait to be close to Alexander's images on his sarcophagus, his original and copied sculptural portraits of the Alexandria-Koss school collected by K. Hebauer. As the former is not the original but a copy obviously idealising Alexander's image which is typical of the early Hellenistic plastics, it is dated within a broad timespan of the 3rd century B.C. This object, together with other purely Greek finds testify to the Hellenisation of Bactrian culture and of considerable antique component in the synthesis of the Graeko-Bactrian art.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1980

И. Р. ПИЧИКЯН

НОЖНЫ КСИФОСОВ И МАХАЙР В СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

По крупнякам собираются находки периода пребывания Александра Македонского в Северной Бактрии. Памятники несомненно античные насчитываются единицами. К числу таких находок, наиболее характерных для греческой культуры, но совершенно уникальных, известных хорошо только по изобразительным источникам, относятся публикуемые части вооружения, точнее детали ножен специфически античных мечей — ксифоса и махайры.

Части ножен (две от ксифоса и две от махайры) найдены нами в центральном здании крепости, стоящей на правом берегу Амударьи в месте слияния Вахша с Пянджем¹. Место это известно как Каменное городище (названо М. М. Дьяконовым) (местное Тахти Сангин) из-за выступающих на поверхность каменных стен и башен, а также благодаря находкам на территории городища каменных баз и стволов колонн².

О времени основания крепости в верховье Амударьи в литературе уже сложилось в целом правильное представление. М. М. Дьяконов на основании подъемного материала после разведки 1950 г. на Тахти-Куваде и Каменном городище датировал их античным временем. А. М. Мандельштам, проводивший в 1956 г. шурфовку городища, наиболее полно осветил результаты своих раскопок в связи с вопросом хронологии могильников Бишкентской долины. По словам А. М. Мандельштама, «при всех необходимых оговорках очевидно, что два нижних слоя Каменного городища относятся к какой-то части промежутка времени, соответствующего III—II вв. до н. э.»³.

Публикуемые четыре пластины из слоновой кости принадлежат ножнам греческих мечей. Первые две оформляли ножны ксифоса (ξίφος): одна фрагментированная — устье ножен в верхней части, другая целая — нижнюю часть. Две другие, целая и сохранившаяся наполовину, представляют редчайшую разновидность устьев ножен махайр (μάχιρα), профилями напоминающих русскую ладью⁴.

¹ Раскопки 1976—1978 гг. велись Тахтикувадским отрядом Южно-Таджикистанской археологической экспедиции. См. Пичикян И. Р., Войтов В. Е., Дубровин А. Ф., Арабов С. Ф., Колпаков А. А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище. — АО-1976, М., 1977, с. 571; Пичикян И. Р., Дубровин А. Ф., Сарбабянов В. Д. Открытие ботроса на Каменном городище. — АО — 1977, М., 1978, с. 560; Пичикян И. Р. Фависса центрального здания Каменного городища. — АО-1978. М., 1979, с. 582.

² В комплексе с Тахти-Кувадом, Вахшской крепостью и другими на противоположном берегу форт охранял древнюю переправу (средневековое Мела) через Амударью, а также контролировал караванный путь вдоль правого берега реки. См.: Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда. — МИА, № 15, 1950, с. 183; его же. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) 1950—1951 гг. — МИА, № 37, 1953, с. 254, 265; его же. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад, 1956, с. 69.

³ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, № 136, 1966, с. 148.

⁴ Пластины реставрированы. Фрагментированная собрана из мельчайших кусочков М. С. Шемаханской. Пользуемся случаем выразить глубокую благодарность

Верхнее завершение ножен, как указывает Е. В. Черненко, оспаривая терминологию Е. И. Леви, «часть рукояти ножен», не имеет точного термина в оружейоведении. Так как Е. В. Черненко сам дает только описательное определение⁵, мы, вслед за Н. И. Сокольским и другими исследователями, называем их устьями ножен⁶. Характеризуя атрибутированные совсем недавно ксифосам целые детали, Е. В. Черненко пишет: «Верхней частью ножен является пластина трапецевидной формы с округлыми нижними углами, полукруглым выступом в верхней части и прямоугольным с нависающим краем выступом в нижней части. С лицевой стороны пластины невысоким рельефом намечены симметрично расположенные завитки с небольшими круглыми сквозными отверстиями. В разрезе пластина имеет форму сильно вытянутого овала. Сквозь пластину (сверху вниз) с помощью сверла проделано отверстие линзовидной формы. Кость между просверленными отверстиями выбрана ножом или стамеской. Длина отверстия 4 см, ширина около 1 см. Размер пластины 13×5 см»⁷.

1. Наша пластина из слоновой кости от устья ножен ксифоса⁸, сохранившая половину лицевой части, т. е. четверть целого устья, представляет значительный интерес как благодаря своей ранней датировке, так и в конструктивном смысле (рис. 1). Изнутри сохранился точный отпечаток формы верхней части лезвия: от сужения в центре сильно расширяющегося к рукояти с треугольным выступом — зубом (по-видимому, с каждой стороны). Внешняя нижняя часть декорирована волютообразным завитком, верхняя несет остатки полукруглого выступа, предотвращающего выпадение меча из ножен. Все остальные описанные Е. В. Черненко детали устья ножен находят полное соответствие как в форме, так и в конструкции амударьинских ножен с греческими архаическими ксифосами. На нашем фрагменте отсутствуют только отверстия сквозь пластину у завитка. Вероятно, публикуемая пластина просто приклеивалась без дополнительного крепления ремешками (см. ниже различные способы крепления к футляру ножен махайр: с отверстиями на фрагментированном устье и без круглых отверстий на целом).

зав. лабораторией металла ВЦИЛКР М. С. Шемаханской, без содействия которой работа над оружейным комплексом Каменного городища была бы невозможна.

⁵ Черненко Е. В. Ножны греческого меча из Ольвии.— В сб.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 120.

⁶ Сокольский Н. И. Боспорские мечи.— МИА, № 33, 1954, с. 130 сл.

⁷ Черненко Е. В. Ук. соч., с. 120.

⁸ Инв. № 755/1091 Институт истории им. А. Дониша АН ТаджССР. г. Душанбе. Высота пластины — 4,5, ширина, составляющая половину целой 6,7, толщина максимальная 1 см. Сломана, склеена из двух фрагментов. Внешняя отполированная и внутренняя части одинаково хорошей сохранности. Пластина найдена на втором полу первого строительного периода 0,4 м над материком в фависсе северного коридора, устроенной в дверном проеме путем перегородки с дверью, снабженной решеткой из железных спиралей (см. Пичикин И. Р. Фависса...) В фависсе было найдено около 100 предметов, среди которых были публикуемые здесь ножны махайр, обкладка лиры из слоновой кости, флейта, поле со сферическими лунками (последнее находит себе точные аналогии, лишенные, правда, атрибуции, в архаическом культовом комплексе храма Артемиды Орфии в Спарте: Dawkins R. M. The Sanctuary of Arthemis Orthia at Sparta. London, 1929, p. 239, tabl. CLXVII, 2). А устройство фависсы с ямой, закрывающейся крышкой в виде детали колонны находит полные аналогии в Афинах на агоре (различия: в Афинах использована подтесанная дорическая капитель, на Каменном — база аттического типа, но тоже подтесанная на копус.— Thompson H. A. Activities in the Athenian Agora. Hesperia, 1958, v. XXVII, № 2, p. 145.) Об аттических фависсах см.: Burr D. A Geometric House and Proto-Attic Votive Deposit. Hesperia, t. II, № 4, 1933, p. 542. На Самофракии: Lehman K. Samothraka. Hesperia, t. XIX, № 1, 1950, p. 12, tabl. 9. В Северном Причерноморье: Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962, с. 22, 26, 47, 54; Леви Е. И. Ольвийская агора.— МИА, № 50, 1956, с. 41; *ее же*. Новые посвященные надписи Аполлону Дельфинию.— В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 96. Восточные: Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 18.



Рис. 1. Устье ксифоса из слоновой кости

2. Бутероль⁹ из слоновой кости в виде небольшой сердцевидной пластины размером $5,8 \times 6,3$ см. Толщина — 1,1 см. В верхней части расположен прямоугольный выступ — $3,5 \times 0,7$ см. Выступ тоньше самой пластины вдвое. Под краями верхней части выступа две просверлины диаметром 2 мм. Лицевая часть отполирована. Обратная сторона сохранила следы треугольного паза от острия меча, отчетливо прослеживаемые. Это и позволяет атрибутировать ее ксифосу. Сохранность полная, бутероль рассохлась, треснув пополам, склеена, небольшие выкрошины по полю, особенно с внутренней неотполированной стороны (рис. 2)¹⁰.

Аналогичные бутероли открыты в Ольвии и Коринфе, повторно опубликованы Е. В. Черненко¹¹. Недавняя атрибуция Е. В. Черненко тут же была подтверждена находками целых мечей в ножнах, известным уже по нескольким публикациям¹². Обращает на себя внимание небольшая величина бутероли, характерная только для раннего времени. Сопоставление с изобразительными источниками, в частности с вазописью и херсонскими эллинистическими надгробными стеллами, показывает, что для бутеролей архаического и классического времени характерна небольшая величина, бутероли IV—III вв. до н. э. средней и крупной формы, во II в. до н. э. бутероли ксифосов, встреченные преимущественно на периферии античного мира, — только крупной формы¹³.

⁹ Термин, принятый в зарубежном оружиеведении для обозначения нижнего завершения мечей (сердцевидной, листовидной формы, на Востоке украшенной свернувшимися фигурками хиппиков). См.: *Bernard P. A propos des bouterolles de fourreaux achéménides*. — RA, 1976, 2. p. 227—246, fig. 1—3.

¹⁰ Пнев. № 448/1091. Найдена на Центральном раскопе в северном коридоре в ботросе № 1, глубина 1,20—0,85 над материком. В ботросе № 1 комплекс оружия был найден в засыпи из костей, последних определено около 6 тыс. Материал отбирался на месте А. Ф. Дубровиным, неопределимые обломки диафизов отбрасывались, все определимые кости, маркированные по слоям в 0,20 м, определены зав. кабинетом остеологии ИА АН СССР В. П. Данильченко. Пользуемся случаем поблагодарить В. П. Данильченко. В ботросе оказалось явное преобладание передних конечностей мелкого рогатого скота (задних 18%), что в целом несомненно свидетельствует о культурном характере посвященного сброса. См. *Пичикян И. Р., Дубровин А. Ф., Сарабянов В. Д.* Ук. соч.

¹¹ Черненко Е. В. Ук. соч., с. 120, 121 сл.

¹² *Connolly P.* The Greek Armies. L., 1978, p. 35 (fig. 1), p. 61 (fig. 3); *Makaronas C. J., Miller S. G.* The Tomb of the Lyson and Kalikles (a painted hellenistic tomb). — *Archeology*, v. 27, № 4, 1974, p. 249—259 (fig. 250, 255, 257) — Махайры с такими же устьями, III—II вв. до н. э. См. также ксифос из Комповалано в целых ножнах с большой бутеролью: *Moscatti S.* Italia sconosciuta. Milano, 1976, p. 184, foto. Как мне сообщил М. Горелик, книга получена в ВГИБЛ только в 1978 г.

¹³ Исключение составляют изображения в склепе, публикуемые К. Макароном и С. Миллером: *Makaronas C. J., Miller S. G.* Op. cit., p. 257 (fig.).

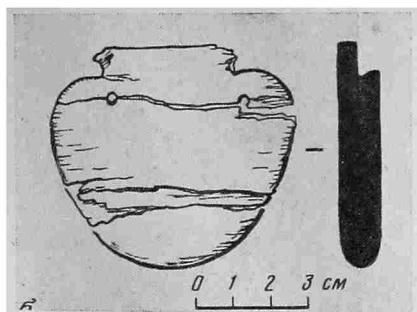
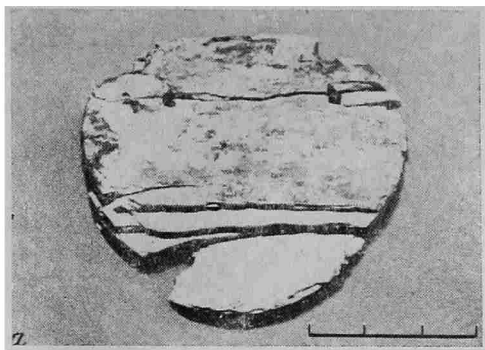


Рис. 2. Бутероль из слоновой кости. а — фото, б — рисунок

3. Третья пластина представляет собой верхнюю часть ножен наступательного оружия греческих всадников — махайры, сделанную из слоновой кости. Сверху она украшена двумя направленными от центра консолеобразными завершениями (одно с абаксом, другое без него с вертикальным разделителем — надпилом для прикрепления ремешка — рис. 3, а, б). Правая «волюта» выше и больше первой. Между ними заниженная центральная часть поверху профилирована тремя волнообразными выпуклостями. Боковая центральная часть в профиле постепенно расширяется от завитков к низу, от узенькой полочки образуя тор. Нижняя часть обоймы украшена сложнопрофилированным расширяющимся книзу плинтусом с валиком в центральной части, сверху и снизу окаймленным узенькими полочками. Профиль плинтуса не соответствует фасу, это лесбийский киматий. Лицевая и обратная части гладкие отполированные, лишь плинтус в плане слегка выступает на 0,1 см. По углам в плинтуса четыре вертикальных просверлины для крепления к футляру ножен, приклеивающемуся к устью. В разрезе пластина трапецевидной формы со сквозным треугольным пазом (размеры паза 5,5×1,0×0,3 см) для однолезвийного меча махайры, проделанным сверлом и небольшой стамеской, в нем следы изношенности в виде расширения в верхней части и царапины от острия меча при использовании. В верхней части со стороны высокой консоли, к которой было обращено лезвие меча, прорезь расширяется за счет среза, производившегося острием при введении и вытаскивании меча из ножен¹⁴.

4. Четвертый фрагмент еще от одного устья ножен махайры совершенно аналогичен предыдущему, но не тождествен по размерам, являясь слегка уменьшенной копией, дошедшей в худшей сохранности (рис. 4, а, б). От него сохранилась часть лицевой центральной пластины с профильным тором и боковая часть, подвергавшаяся неоднократным ремонтам в древности. Нижний плинт состоит из полочки, по центру моделированной прорезью, разделяющей его на две разные части. В центральной части два сквозных отверстия: одно имеет форму усеченного конуса, другое косое, также с небольшим сужением внутрь, для ремешков дополнительного крепления к пеналу ножен. Нижняя часть плинтуса отполирована, два отверстия по углам свидетельствуют о том, что помимо склеивания для надежности он был приколот к футляру ножен гвоздиками. Пластина ремонтировалась дважды, если не трижды. Сохранились в ее боковой части три гвоздя: один костяной, два железных.

¹⁴ Инв. № 784/1091. Найдена на полу в Фависсе на глубине 0,4 м над материком. Сильные выкрошины по полированным полям. Сломана, склеена из трех кусков. Сохранность полная. Длина верхней части ножен меча 9,6 низ, 11,0 верх, высота 5,8 слева, 6,0 справа, толщина максимальная 2,5 см.

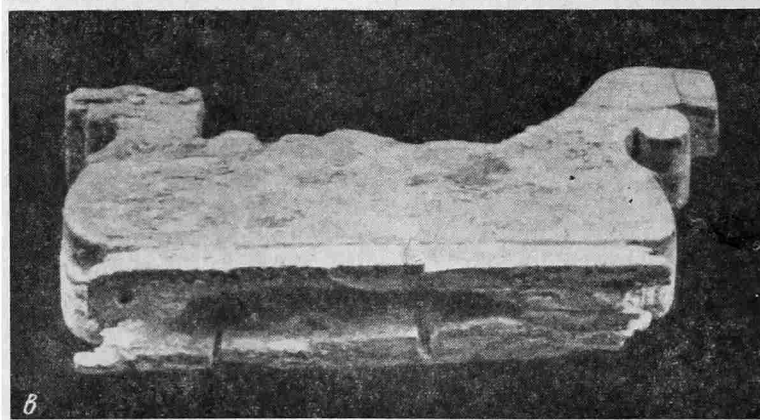
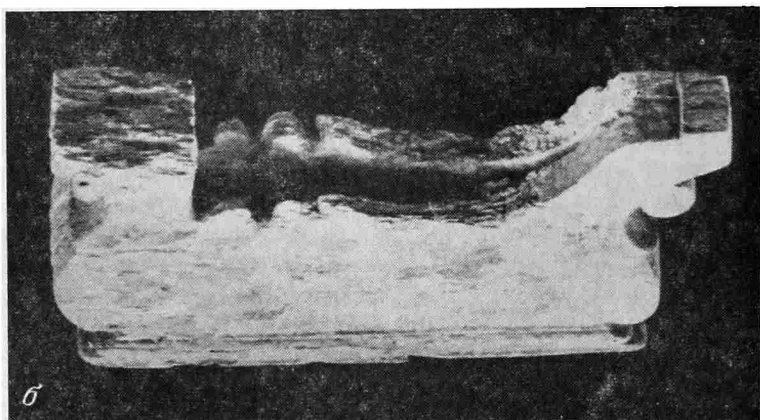
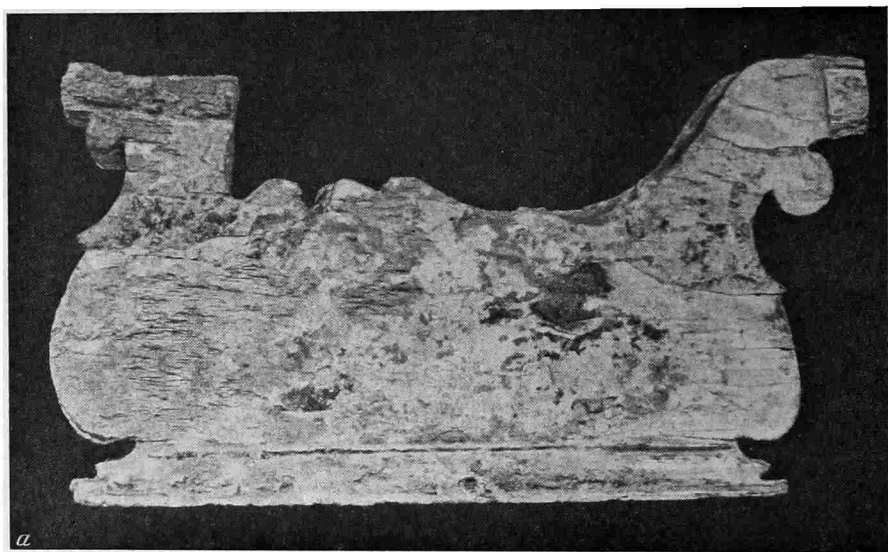


Рис. 3. Устье махайры из слоновой кости. *а* — фото лицевой части, *б* — фото, вид сверху, *в* — фото, вид снизу

Первоначальным был костяной шип без шляпки, вбитый сверху вертикально в левый останец устья. После утраты левой «консоли» поверхность скола тщательно зашлифована. Затем снизу вертикально насквозь был вбит толстый железный гвоздь длиной 4 см, по-видимому, расколовший пластину напополам или нанесший продольную трещину, после чего между плинтусом и нижней частью вала по горизонтали сзади в сторону

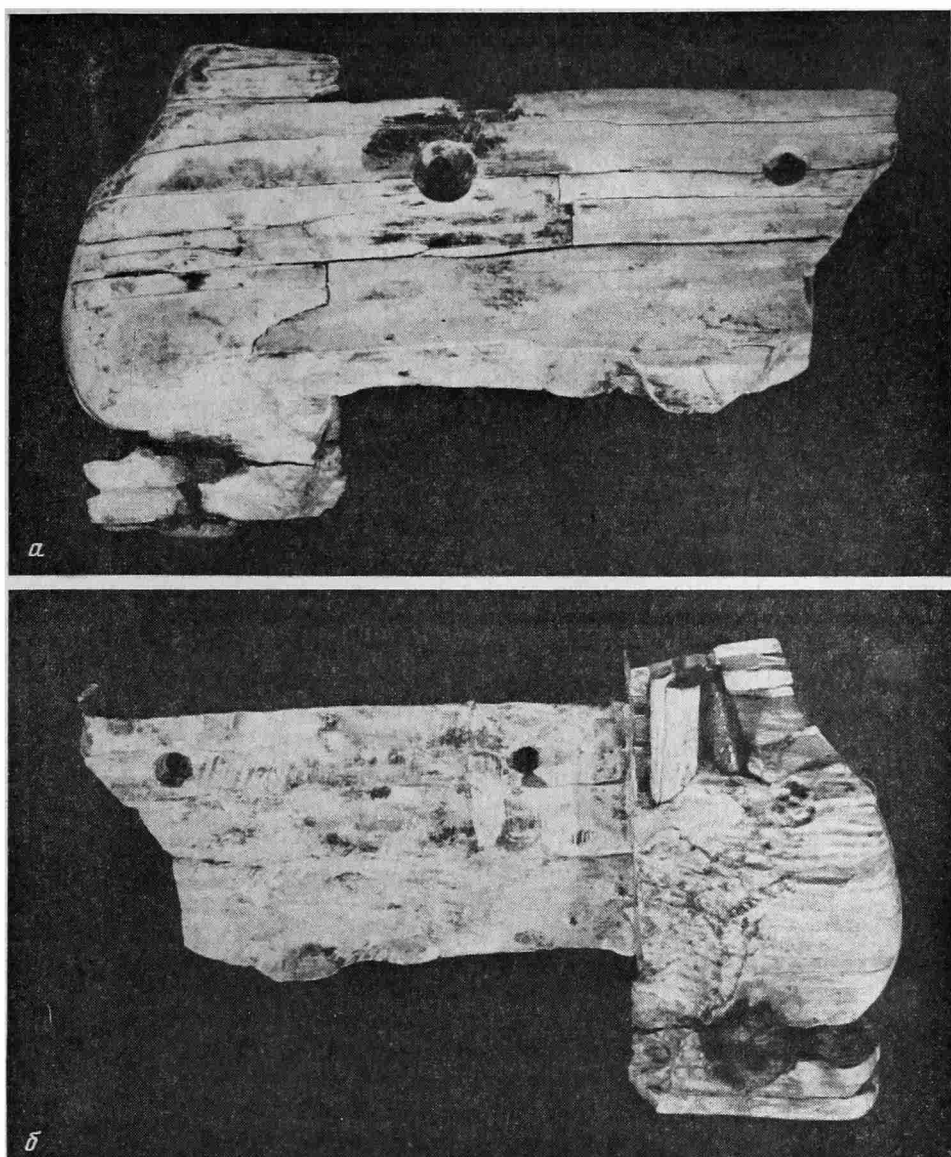


Рис. 4. Устье махайры из слоновой кости (фрагментированное). а — фото лицевой части, б — фото внутренней части

лицевой поверхности был вбит еще один железный гвоздь. Последние две починки, быть может не одновременные, но «варварские» в современном смысле слова, хотя и свидетельствуют о бережном отношении к ремонтируемому предмету, привели к тому, что ножны могли служить разве что экспозиционным целям. Сброс такого обломка, пробитого насквозь гвоздями, по-видимому, был совершен после длительного срока экспонирования вотива в целом виде, когда ножны разрушились от времени¹⁵.

Махайра — однолезвийный меч с загнутой зооморфной рукояткой, оформленной в виде головы грифа, орла, льва или другого хищного животного, с искривленным расширяющимся в центральной части значительным по величине односторонним клинком. Ксифос — прямой, короткий меч, с расширением в нижней, переходной к острию части, с обоюдоострыми лезвиями. Ксифос и махайру воины носили с левой стороны на портуpee, перекинутой через плечо. Оба меча пригодны для нанесения

¹⁵ Инв. № 784/1091. Найден также в фависсе, на глубине 0,4 м.

колющего и рубящего удара. Более пригодная и приспособленная для ведения боевых действий всадника махайра служила для «рубящего удара сверху, наотмашь, с легким оттягиванием руки назад, при котором в полной мере проявлялись и режущие свойства этого оружия»¹⁶.

Считаем необходимым привести мнение Н. И. Сокольского, специалиста по боспорскому вооружению, о том, что греко-фракийский меч с искривленным лезвием — махайра — нашел более широкое распространение в Северном Причерноморье, поскольку он удобен для кавалерии, тогда как ксифос был быстро сменен «совершенным и традиционным для Северного Причерноморья коротким мечом (скифский акинак, меотский короткий меч, сарматский меч)». Роль акинака с V до III в. до н. э. в Северном Причерноморье возрастает¹⁷. При исследовании археологических материалов Н. И. Сокольский пришел к выводу, что ксифос, имевший, по-видимому, распространение только в ранний период истории Боспорского государства, затем интенсивно вытеснялся скифским акинаком¹⁸.

В процентном соотношении количество ксифосов и махайр среди собранных Н. И. Сокольским мечей в Боспоре — невелико. В позднем периоде они вовсе не встречаются. Из 57 мечей Европейского Боспора и 6 мечей, найденных на Азиатском Боспоре, I в. до н. э.— II в. н. э., а также среди 28 мечей Европейского Боспора и 7 мечей Азиатского Боспора III—V вв. н. э. и 18 недатированных мечей нет ни одного ксифоса или махайры¹⁹.

Махайры в Боспорских некрополях встречаются значительно раньше. Они зарегистрированы только в период с V до III в. до н. э.: 1) некрополь Мирмекия (в погребении IV—III вв.); 2) в главной гробнице Семибратнего кургана; 3) в станице Абинской на Кубани; 4) в гробнице у Карантинного шоссе в Керчи (с монетой Лисимаха, греческим шлемом, стригилями и античной керамикой). К махайрам Н. И. Сокольский относит еще несколько мечей, известных автору по описаниям²⁰. Таким образом, из четырех случаев археологических открытий махайр (и нескольких достоверных, но утраченных экземпляров) складывается типологическая группа V—III вв. до н. э., к сожалению, лишенная обкладок устьев ножен из слоновой кости. К ним следует добавить два случая находок махайр в Ольвии (одна из которых небольшая)²¹, также не меняющих дату из бытования в Северном Причерноморье и (из-за отсутствия обкладок) не позволяющих прибегнуть к сопоставительному анализу.

На основании археологического материала Н. И. Сокольский, констатируя преобладание в Северном Причерноморье махайры над ксифосом, считает, что этот тип меча (это для нас очень важно) был принят на вооружение и местными народами²². Об этом можно судить по указанным выше находкам рукоятей махайр в Семибратних курганах и у станицы Абинской.

Целую серию находок греческих мечей махайр в Восточном Причерноморье, найденных как в приморских областях Колхиды (Эшери, Батуми), так и во внутренних районах Ихтвиси, Шромисубани, Брили, собрал Г. А. Лордкипанидзе²³.

¹⁶ Сокольский Н. И. Боспорские мечи, с. 134.

¹⁷ Там же, с. 147.

¹⁸ Там же, с. 136.

¹⁹ Там же, с. 182—196.

²⁰ Там же, с. 132—134.

²¹ Там же, с. 135.

²² Там же.

²³ Лордкипанидзе Г. А. Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси, 1978, с. 88—90. См.: Гагошидзе Ю. Погребение из Ихтвиси.— Вестн. ГМГ, XXV-V, 1968, с. 31—45 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшери.— Изв. АБНИИ, № 1, 1972;

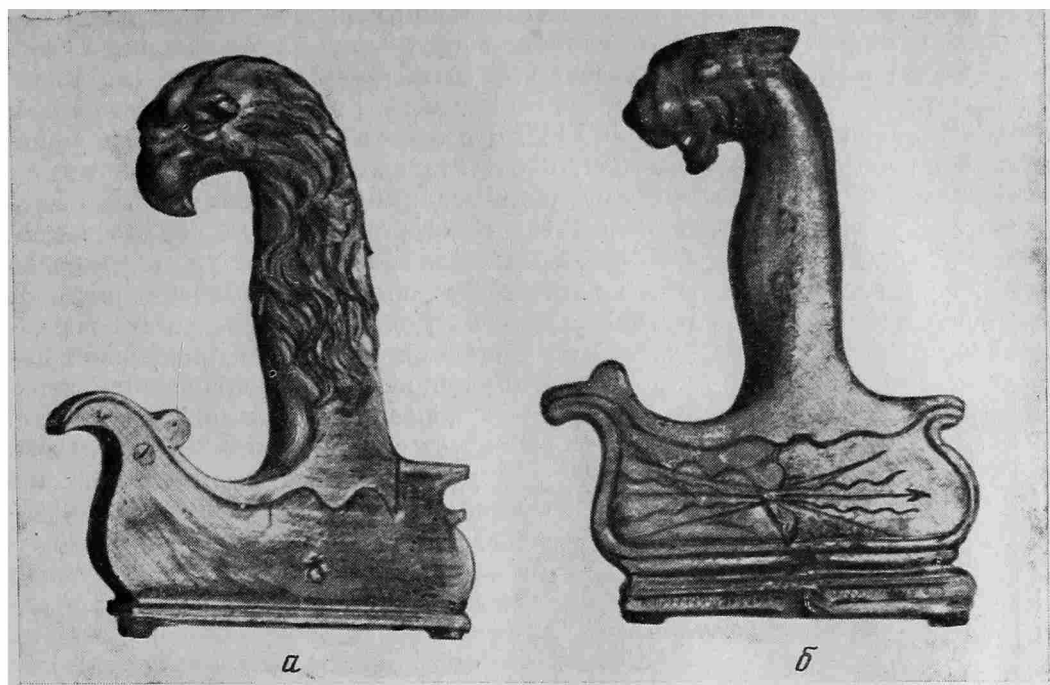


Рис. 5. Ручки и устья махайр из Додон. Аналогии амударьинским махайрам

Находки махайр на территории современной Грузинской ССР подкрепляются Г. А. Лордкипанидзе переводом отрывка из Геродота (VII, 78, 79) о вооружении колхов, на наш взгляд, с совершенно справедливой поправкой (вместо «ножи» — В. В. Латышева, «кинжалы» Г. А. Стратановского, Г. А. Лордкипанидзе предлагает «махайры»).

Н. И. Сокольский, основываясь на изобразительных источниках (так как подлинники не были известны)²⁴, в том числе на вазовом изображении V в. до н. э. из Керчи²⁵, дает описание устьев ножен мечей ксифоса и махайры суммарно: «Устья ножен (ксифоса.— И. П.) аналогичны устьям ножен махайры — прямоугольные трапецевидные концы ножен (бутероли.— И. П.) полукруглые... в виде лепестка, цветка, бутона и т. д.»²⁶. С этим можно согласиться, добавив, что в свете открытых нами памятников, в позднеклассическое время, т. е., очевидно, в период Александра Македонского, появляется дифференцированный тип устья ножен махайры (назовем его консольным вариантом), более нарядный и, по-видимому, не очень распространенный.

Заслугой Е. В. Черненко, в значительной степени способствовавшей правильному пониманию публикуемых нами вещей, была недавно изданная им атрибуция костяных пластин ольвийских и коринфских устьев ножен мечей-ксифосов²⁷. Ни Н. И. Сокольский, ни Е. В. Черненко не приводят образцов консольного варианта устьев ножен махайр, оставшегося им неизвестным. Зарубежные издания вышли после статей Е. В. Черненко и Н. И. Сокольского. В силу этого не будет преувеличенным счи-

Воронов Ю. Н. Об Эшерском городище.— СА, 1972, № 1, с. 116; Г. А. Лордкипанидзе упоминает, по сообщению А. Ю. Кахидзе, и махайру, найденную в Батуми (Аджарский краеведческий музей). См. также: Гобеджишвили Г. Ф. Отчет о работах археологической экспедиции на южных склонах Центрального Кавказа.— Научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований в 1962 г. в Грузии. Аннотация докладов. Тбилиси, 1963, с. 8—30 (на груз. яз.).

²⁴ Сокольский Н. И. Ук. соч., с. 130, 131, табл. 1, 4, ссылка на Э. Пфуля, А. Фуртвенглера-Рейхольда и ОАК за 1867 г., Атлас, табл. IV.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 136.

²⁷ Черненко Е. В. Ук. соч., с. 120 сл.

тать найденные у Амударьи в посвятельном сбросе костяные пластины уникальными памятниками античного вооружения на территории СССР, так как приводимые нами недавно опубликованные совершенно идентичные предметы из Материковой и Великой Греции, в строгом смысле — все изобразительного характера. Это относится и к бронзовым рукояткам вотивного назначения из Додон, отлитым вместе с ножнами.

Бронзовые отливки, имитирующие подлинные рукояти, и костяные устья мечей из святилища Зевса Додонского, упомянутые Ж. До в хронике археологических раскопок Греции за 1965 г.²⁸, служат наиболее близкой аналогией амударьинским обкладкам устьев мечей (рис. 5). Аналогии настолько тождественны, что их можно было бы считать репликами или отливками по слепку, если бы их не отличали небольшие ци-



Рис. 6. Монета Койнона эпиротов около 234—232 гг. до н. э.

линдрики-волкюты, украшающие верхние консоли на обкладках с Окса. Следует отметить, что Ж. До, назвав их рукоятками мечей, впал в ту же ошибку с точки зрения оружейников, что и Е. И. Леви, о чем говорилось выше. Дело в том, что рукоятки махайр были отлиты вместе с верхней частью ножен — верхней их обоймой. Мастер, изготовлявший эти предметы, с самого начала предназначавшиеся для вотивных приношений (судя по символу Зевса Додонского — перуну, месту находки и нерасчлененности разных по материалу и конструкции элементов), разделил углубленной линией рукоять от обоймы ножен, это и видно по разделяющим их валикам и врезам.

В святилище же на Оксе были посвящены подлинные мечи с обкладками из слоновой кости, сброшенные впоследствии в фависсу и ботрос № 1 вместе с остальным посвятельным инвентарем, который нельзя было выносить за пределы священного участка.

Таким образом, помимо близости аналогий, поясняющих назначение костяных обойм, их расположение, направление лезвия по отношению к ножнам и т. д., мы находим в Додонах совершенно идентичное вотивное назначение — они были посвящены божеству в качестве трофеев, в одном случае скопированных, в нашем — подлинных. Последним и не менее существенным достоинством додонских аналогий в свете уникальности находок подлинных костяных обкладок является точная стратиграфическая датировка гибели додонского комплекса, подкрепленная остроумными и точными наблюдениями Ж. До: одна из рукоятей с головой орла — точная параллель эмблемы Койнона эпиротов (союза эпиротов)²⁹, изображавшаяся на чеканенных им драмах (рис. 6). Лицевая часть обкладки другой обоймы украшена перуном — символом Зевса Додонского.

Благодаря этому датировка этих предметов Ж. До периодом правления 234/3 до опустошения святилища этолийцами в 219 г. до н. э. представляется очень убедительной. Как показывают аналогии, обкладки ксифоса нельзя датировать позже V—IV вв., для обкладок ножен махайр наиболее вероятная дата вторая половина III в. до н. э. (не исключено и более раннее время).

²⁸ Daux G. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques en Grèce en 1965.— BCH, v. XV, № 2, 1966, p. 847, fig. 5.

²⁹ В связи с этим необходимо заметить, что по новым исследованиям возникновение этого союза относится к 232 г. до н. э. См. Cabanes P. L'Épire de la mort de Pyrrhos à la conquête romaines. Paris, 1976, p. 198 sg.

В последнее время в научной литературе Каменное городище очень часто упоминается в контексте гипотез о месте находок Амударьинского клада³⁰. Некоторые ученые по ошибке, другие сознательно (Б. Я. Ставиский)³¹ относят находку клада к Каменному городищу, а не к находящемуся в 6 км к югу от него легендарному Тахти-Куваду, где, по принятому в настоящее время мнению М. М. Дьяконова, Е. В. Зеймалю и Т. И. Зеймаль, в 1877 г. местными крестьянами было сделано это богатейшее для науки открытие³². Без стратиграфических раскопок на Тахти-Куваде, которые до настоящего времени, несмотря на необходимость, никому не удавалось осуществить, вопрос этот не может быть окончательно решен. Ни М. М. Дьяконов, ни Е. В. Зеймаль, ни я в подъемном материале не находили фрагментов ахеменидского времени. А рассказ Д. Н. Логофета о клинообразных гвоздевидных надписях на скальном склоне хребта у Тахти-Кувада, поскольку он их не скопировал и они были утеряны для науки, считается вымыслом³³.

Как показало исследование Каменного городища, и стратиграфические шурфы не всегда приводят к однозначным результатам. Концепция А. М. Мандельштама о существовании эллинистического слоя на Каменном городище³⁴ нам импонирует, но на нашем раскопе не находит существенных подтверждений: находки устьев ксифосов и махайр — это первые синхронные Амударьинскому кладу предметы. По нашему мнению, на Каменном городище и Тахти-Куваде может вообще не оказаться ахеменидского слоя. В эллинистический период, скорее всего, дело обстояло совершенно иначе. Греко-бактрийская стратегическая мысль, как нам представляется, не могла не оценить важности узлов, перекрывающих водные и сухопутные магистрали амударьинского двуречья. Каменное, Вахшское городище, Тахти-Кувад, Айвадж, Айртам, Термез и другие укрепления на правом и левом берегу Амударьи в сумме являлись комплексом крепостей, возникших, вероятнее всего, в греко-бактрийское время и впоследствии освоенных кушанами. Это наше мнение находит прямое и косвенное подтверждение в раскопах Ай-Ханум, Саксанохура, Сурхандарьинских городищ, — в целой развитой системе крепостей вдоль стратегически важных узлов, возникших в эллинистический период. А отдельные произведения искусства, торевтики и редкого оружия, даже в виде кладов, могли сосредотачиваться в святилищах греко-бактрийской, а впоследствии и кушанской знати в виде трофеев, сохранившихся от награбленного имущества периода «победоносных шествий» военачальников Александра Македонского по Ахеменидской империи. Обкладки ножен, во всяком случае, восходят к этому периоду и характеру формирования трофейных вотивов в ранних культовых святилищах Северной Бактрии.

Ведь находка разновременных предметов в центральном культовом комплексе Каменного городища, суммарно датирующихся III в. до н. э. — III в. н. э. (при этом обкладки мечей V—III вв. до н. э. самые

³⁰ Кузьмина Е. Е. Семантика изображений на серебряном диске и некоторые вопросы интерпретации Амударьинского клада. — В сб.: Искусство Востока и античности. М., 1977, с. 47, 124; *ее же*. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977, с. 47, 124. Исследователем внесен большой вклад в научное осмысление целого ряда художественных изделий, в частности выделением работ греческих малоазиатских мастеров из состава находок клада.

³¹ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 74, 93.

³² Dalton O. M. The treasure of the Oxus. London. 1905, 1964; Дьяконов М. М. Работы...; Зеймаль Т. И., Зеймаль Е. В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада. — ИАН Тадж. ССР, вып. 1(28), 1962, с. 40. В настоящее время см. каталог Зеймаль Е. В. Амударьинский клад. Л., 1979, где подробнейшим образом разобрана «правомочность» всех гипотез, относящихся к месту находки и составу клада, а также дана атрибуция вещей и приведен каталог относящихся к кладу монет.

³³ Логофет Д. Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3 книгах. кн. III. СПб., 1909, с. 57—59; Дьяконов М. М. Археологические работы..., с. 255.

³⁴ Мандельштам А. М. Кочевники..., с. 148.

ранние, выпадающие, пожалуй, из общей массы надежно датированных предметов) может найти объяснение только в длительном хранении и последующем одновременном сбросе votивных приношений. А находки греческих мечей среди посвященного инвентаря, открытых впервые в Средней Азии, одно из первых свидетельств в пользу если не прямого влияния, то знакомства Кушан Северной Бактрии с греческим вооружением и их бережного отношения к высокоценным раритетам — традиционному греческому оружию.

I. R. Pichikyan

THE SHEATHES OF THE GREEK SWORDS FROM THE NORTHERN BACTRIA

Summary

The ivory artifacts described in this article (mouths of sheathes of makhairas, and a mouth of sheath of a ksiphos) are details of specific Greek arms, well known from the pictorial sources, but very rare in collections. It's especially interesting, that the artifacts were found far away from the Mediterranean in the Northern Bactria during the excavations of a favissa in the central cult building of the Kushanian fortress, defending the upper Amu-Darya, at the Kamennoye fortified settlement (6 km to the North from Takhti-Kuvad). In this region in 1877 the Amu-Darya hoard was discovered. Makhaires and ksiphoses were spread in the Vth — IIId centuries B. C. in the Northern and Eastern Pontic region, in Thrace and, evidently, in the Northern Bactria under the influence of the traditional Greek military art. The makhairas were spread more widely because of the important role of cavalry in the armies of the peripheral regions. The author finds analogies for the ksiphoses from Athens, Corinth, Olbia; and for the makhairas — absolutely identical and well dated to the 234/3—219 B. C. bronze votive casts from original artifacts, devoted as military trophies in the temple of Zeus from Dodon. The comparative analysis let the author date the sheath of the ksiphos to the Vth — IVth centuries B. C., and the sheaths of the makhairas to the IIId century B. C. The find of asynchronous artifacts, falling out of the majority of well-dated implements, in a ritual complex of the IIId century B. C. — IIId century A. D. can be explained only by their votive character and cautious treatment with rarities — traditional Greek arms.